Носачев П.Г.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
115184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Pavel_Nosachev@bk.ru

Составляющие современного окультурного нарратива

Аннотация. Пятнадцать лет назад британский религиовед Кристофер Партридж предложил концепцию оккультизма. С тех пор она стала активно использоваться как рабочая модель для анализа форм бытования эзотерических элементов в современной культуре. Когда Партридж создавал свою концепцию, он опирался на ситуацию конца 90-х начала 2000-х годов, время, когда эзотерические элементы закреплялись в культуре. Дистанция, отделяющая нас от труда Партриджа, с неизбежностью должна была внести коррективы в его теорию. Чтобы определить степень этих корректив, мы обратимся к современным нарративам, ставшим концентраторами эзотерической мифологии. Анализируя экранную культуру, Партридж отдельно остановился на кейсе сериала «Секретные материалы». Для него «Секретные материалы» являлись «сильнейшим метатекстом», сконденсировавшим различные нарративы оккультизма. В год выхода книги Партриджа на телеэкраны был выпущен новый сериал «Сверхъестественное». Этот сериал фактически стал новым метатекстом, аккумулирующим почти весь массив эзотерической мифологии, накопленный за века существования девиантной религиозности. В статье анализируется мифология сериала по трём темам: мир-механизм, демоны как антагонисты и монотеизм. В заключение делается вывод о том, что современный оккультный метатекст не только конденсирует в себе все сюжеты оккультизма, но и преобразует их. Экранная культура создаёт новые религиозные мифы, используя элементы классической мифологии. При этом очевидно, что в основе такого конструирования лежат современные представления об этике и духовности.

Ключевые слова: западный эзотеризм, экранная культура, бог, монотеизм, демонология, экзорцизм

Pavel G. Nosachev

Saint Tikhon's Orthodox University; HSE University
23B Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russia
20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russia
Pavel_Nosachev@bk.ru

Components of the Contemporary Occulture Narrative

Abstract. Fifteen years ago, the British religious scholar Christopher Partridge proposed the concept of the occulture. Since then, it has been actively used as a working model for analyzing the forms of existence of esoteric elements in modern culture. When Partridge created his concept, he drew on the situation of the late 90s and early 2000s, a time when esoteric elements were entrenched in the culture. The distance between us and Partridge's work was bound to make adjustments to his theory, to determine the extent of these adjustments, we turn to contemporary narratives that have become hubs of esoteric mythology. Analyzing the screen culture, Partridge separately focused on the case of "The X-files". For him, this show was the "strongest metatext" that condensed various narratives of the occulture. In the year of Partridge's book's release, a new show, "Supernatural", was released. This show has become a new meta-text, accumulating almost the entire array of esoteric mythology accumulated over the centuries of deviant religiosity. The article analyzes the mythology of the series on three topics: world-mechanism, demons as antagonists, and monotheism. The article is concluded that the modern occult metatext not only condenses all the plots of the occulture but also transforms them. Screen culture creates new religious myths using elements of classical mythology. At the same time, it is obvious that such a construction is based on modern ideas about ethics and spirituality.

Key words: Western esotericism, screen culture, God, monotheism, demonology, exorcism

В 2004 году известный британский религиовед Кристофер Партридж выпустил свою монографию «Заколдовывание Запада». В ней он высказал мысль о том, что начиная с 60-х годов XX века в западной культуре идёт процесс перехода общества из внерелигиозного состояния в религиозное. Правда, эта новая религиозность не является монолитной, на смену религиям приходит аморфная духовность, во многом оформившаяся в субкультурных кругах духовных искателей середины XIX – начала XX в., эта духовность, которую Партридж склонен именовать оккультизмом, проникая в сферу культуры, создаёт оккультуру – новый тип культовой среды общества, чрезвычайно сильный по глубине и степени воздействия и оформляющий основные духовные тенденции жизни современного человека. Партридж даёт широкое определение оккультуры, согласно его мнению, оккультура «включает различные девиантные идеи и практики: <...> магию (как её понимал А. Кроули), крайне правый религиозно-политический радикальный энвайроментализм и глубинную экологию, ангелов, духов-проводников и сообщения, полученные путём ченнелинга, астральную проекцию, кристаллы, лечение сном, движение человеческого потенциала, духовное значение древних и мифических цивилизаций, астрологию, целительство, тайны земли, Таро, нумерологию, каббалу, фен-шуй, пророчества (например, Нострадамуса), легенды о короле Артуре, Святой Грааль, друидизм, викканство, язычество, хиромантию, шаманизм, духовность богини, Гей и эко-духовность, альтернативные науки, эзотерическое христианство, НЛО, похищения пришельцами и т. д.» [Partridge, 2004, 70]. За прошедшее со времени выхода книги Партриджа время теория оккультуры стала достаточно востребованной научной концепцией, её аппарат прилагался исследователями к различным формам современной культуры¹. Сейчас нас отделяет от работы Партриджа дистанция более чем в 15 лет, поэтому было бы интересным проанализировать некоторые высказанные им идеи в свете современных культурных реалий.

В своей книге Партридж достаточно много пишет об экранной культуре, специально останавливаясь на сериале «Секретные материалы». Для него «Секретные материалы» – «сильнейший метатекст» [Partridge, 2005, 262], сконденсировавший в себе множество разных нарративов оккультуры. Представляется, что после т. н. «большого сериального взрыва»² оккультурная тематика должна была проявить себя в современных сериалах. Чтобы подтвердить этот тезис, мы обратимся к завершившемуся совсем недавно (19 ноября 2020) сериалу «Сверхъестественное». На наш взгляд, этот сериал стал новым оккультурным метатекстом, заместившим собой «Секретные материалы». Главные герои сериала – братья Сэм и Дин Винчестеры – выросли без матери, она погибла при загадочных обстоятельствах. Воспитывавший их отец был охотником – борцом со сверхъестественными монстрами, скрытно существующими в мире людей. После исчезновения и смерти отца братья продолжили его дело. Первые четыре сезона сериала посвящены поэтапному знакомству зрителя с миром сверхъестественных тварей: братья борются с привидениями, оборотнями, вампирами, вендиго, ругару, перевёртышами, зомби, языческими богами, демонами, встречают ангелов и т.п. Начиная с пятого сезона охота принимает поистине космические масштабы: братьям не только удаётся предотвратить Апокалипсис, заточив Люцифера и архангела Михаила в адскую клетку, но и сразиться с левиафанами, нефелимами, матерью всех монстров – Евой – и даже противостоять богу, в конечном счёте лишив его божественности. За 15 лет своего существования сериал аккумулировал почти весь массив эзотерической мифологии, накопленный за века существования девиантной религиозности, оперируя не только большими мифологическими нарративами, типа актуализации средневекового представления о ведьмовстве, теософских и спиритуалистических систем или мифа о сатанизме, но и играя с отдельными менее известными сюжетами.

Дабы упростить дальнейшее исследование, мы остановимся на тезисе Партриджа, который, на наш взгляд, описывает всю специфику оккультурного нарратива «Сверхъестественного». Согласно ему, «оккультура обращается на Восток за духовностью и на Запад за демонологией» [Partridge, 2005, 277–278]. Добро для современного человека – нечто абстрактное, холистичное, не имеющее никакой персонификации представление об Абсолюте. Зло же лично, имеет отчётливые чер-

ты и именно поэтому способно по-настоящему пугать. Нарратив христианской демонологии оказывается самым влиятельным и глубоко укоренённым в сознании как творцов, так и потребителей современной культуры. По сравнению с восточными образами зла христианская демонология предстаёт не только колоритной и разработанной, она ещё и предлагает чёткую, не содержащую полутонов картину оппозиции добра и зла.

Далее мы не планируем углубляться в анализ отдельных эпизодов сериала или разбирать поэтапно все его сезоны, мы будем обращаться к материалу сериала за характерными примерами, отражающими общую тенденцию, и намеренно будем использовать любые серии, не ограничиваясь каким-то временным отрезком. Стоит уточнить, что нарратив «Сверхъестественного» достаточно цельный и все выделенные характеристики не являются второстепенными ни для отдельных серий, из которых они взяты, ни для сериала в целом.

На наш взгляд, всё многообразие эзотерического и религиозного материала в «Сверхъестественном» структурируется тремя темами – идеей мира-механизма, демонами как антагонистами и эксплицитным монотеизмом. Обратимся последовательно к анализу этих тем.

Мир-механизм

По мнению исследователей³, западный эзотеризм конца XVIII – начала XIX в. входит в стадию значительной трансформации, решающим фактором которой становится новое научное мировоззрение. С точки зрения В. Ханеграаффа, в этот период эзотеризм принял две формы: романтическую и оккультную. Романтическая не представляет для нас в данном случае интереса, поскольку отражает реакцию эзотеризма на онаучивание. В основу оккультизма, напротив, легло объединение каузальности и принципа соответствия. Под оккультизмом Ханеграафф понимает «...категорию в изучении религии, в состав которой входят либо все попытки эзотериков прийти к соглашению с расколдованным миром, либо попытки обычных людей найти смысл в эзотеризме с точки зрения расколдованного светского мира» [Hanegraaff, 1996, 422].

Для оккультного мировоззрения мир – это космос, устроенный как большой механизм, где всем правит сложная система законов, в равной степени действующих как в духовной, так и в материальной сферах реальности. В «Сверхъестественном» все – от людей и до ангелов – подчиняются непреложным законам. Магические знаки, колдовские мешочки, формулы-заклинания, системы символов, защищающих и от демонов, и от ангелов, даже амулет-детектор бога – лишь малая толика того многообразия мира-механизма, которое мы встречаем. Мир «Сверхъестественного» пронизывает единая система духовных законов, которым подчиняются все его обитатели, поэтому каждое существо в нём может быть или обезврежено, или умерщвлено, чем часто и пользуются герои сериала братья Винчестеры. Этот мир полностью предсказуем. Любопытную иллюстрацию этой специфики можно видеть в 15 серии первого сезона, где младшего брата похищает безумная семья маньяков-охотников, убивающих своих жертв ради забавы. В этой серии нет ничего сверхъестественного, хотя поначалу братья и хотят объяснить события привычным для них способом. Когда старший брат Дин узнаёт правду и побеждает всех маньяков, то произносит следующую фразу: «С нашими друзьями всё понятно, а вот с людьми... нет правил, нет логики...». Мир-механизм полностью предсказуем, логичен, неизменен, тогда как реальный мир людей хаотичен и алогичен.

Мир «Сверхъестественного» настолько механистичен, что его обитатели напоминают машины. Например, когда в восьмом сезоне главный демон Кроули пытается ангелов, то ему удаётся дойти до их «изначальной программы» (8–10), Кроули даже думает, что ангелов можно «сбросить до заводских настроек» (8–10). Ангелы, пожалуй, наиболее роботоподобные существа из всех обитателей «Сверхъестественного», почти с первых кадров их появления ясно, что они всегда действуют по заданному скрипту. Например, в 18 серии четвёртого сезона оказывается, что если пророка поместить в одно пространство с демоном, то на его защиту автоматически приходит архангел, а в третьей серии шестого сезона ангелы сами признаются, что способны действовать только по правилам, если их нет, то в своём существовании они смысла не видят.

Как и у любого механизма, у мира «Сверхъестественного» есть схемы и инструкции, по началу они представляют собой классические Гримуары типа «Ключей Соломона», заклинаниями из которых можно воздействовать на всё окружающее. Позднее, с 7 сезона, возникают некие скрижали, написанные на неизвестном языке, каждая из них в буквальном смысле описывает полное устройство существ вселенной: ангелов, демонов, левиафанов. Позднее ту же роль играет и т. н. «Книга проклятых» (фактически трансформированный вариант «Некрономикона» Лавкрафта), с помощью которой возможно воздействие на высшие сущности вроде Люцифера.

Окультизм как система мировоззрения находится на границе классического монотеизма, часто выходя за его рамки. В значительной мере используя оккультное мировоззрение, «Сверхъестественное» не ограничивается им, но обращается к сюжетам монотеистических религий, и в этом ему помогает теология духовной войны.

Демоны-антагонисты

В своём недавнем исследовании, посвящённом практикам экзорцизма в англиканской церкви, известный британский историк Френсис Янг, в частности, отметил: «Демонология – не то же самое, что экзорцизм (можно быть приверженным демонологическим верованиям, не отстаивая практику экзорцизма), но “практическая демонология” может быть определена как конкретные указания и руководство для практики экзорцизма» [Young, 2018, 12]. В «Сверхъестественном» мы как раз сталкиваемся с «практической демонологией».

Главными врагами на протяжении развития всего сюжета сериала выступают демоны. Да, временами братья заключают с ними соглашения, временами демоны становятся их союзниками в борьбе с могущественными врагами, но в любом случае сюжет возвращается к проблеме противостояния братьев и демонического мира. Главным средством проявления демонов в мире людей предстаёт одержимость. Причём процесс одержимости, как и процесс избавления от демонов, построен по классическим христианским образцам. Демон изображается в виде облака чёрного дыма – стандартная иконография, распространённая в Европе ещё со Средних веков. Входит он в человека по своей собственной воле и полностью подчиняет его себе, демон не переносит святой воды и креста – классических атрибутов тестов на одержимость со времён Тридентского собора⁴. Демон может быть изгнан лишь посредством ритуала экзорцизма (не считая тех сезонов, где у Сэма Винчестера на время открывается сверхспособность их изгнания), причём этот ритуал в сериале сворачивается до центральной заклинательной молитвы, использующейся экзорцистами по сей день. Любопытно, что братья применяют вариант молитвы, разработанный папой Львом XIII⁵, убеждённым сторонником глобального сатанинского заговора против христианства, что нашло отражение и в тексте молитвы.

Одержимость становится центральным сюжетным механизмом всего сериала: демоны входят в человека, чтобы общаться с людьми, совершать убийства, преступления, похищать души. Появление ангелов в сериале также оказывается напрямую связано с одержимостью. Например, в первой серии четвёртого сезона ангел Кастизель объясняет, что вошёл в тело человека, который специально молил об этом. Позднее многие эпизоды с участием ангелов обыгрывают идею осознанного согласия человека на вхождение в него ангела, значительная часть серий завязана на вселении в главных героев различных сущностей – ангелов, демонов. Сама проблема изображения духовных сущностей легко снимается через практику их вселения в тело человека, в сериале она столь сильно приживается, что, даже пребывая в духовных по своей природе местах – аде, рае и чистилище, ангелы и демоны всё равно находятся в том теле, которое ими захвачено. Можно сказать, что без представления об одержимости, равно как и без практик изгнания духов сюжета сериала просто бы не существовало.

Монотеизм

Несмотря на все особенности сериала, на протяжении более десяти сезонов перед нами предстаёт мир, выстроенный в систему авраамических религий, причём доминантным в подаче их мифологии оказывается образ зла, оно персонифицировано и, без всяких сомнений, окрашено в христианские тона. Люцифер предстаёт главным злодеем всего сериала, а христианский Апокалипсис со всеми сопутствующи-

ми элементами – всадниками, вавилонской блудницей, антихристом – задаёт основу первых пяти сезонов. Монотеизм как система, в которой возможно существование персонифицированного зла, чрезвычайно важен и для общей нарративной структуры сериала. Именно монотеистическая проблематика является основной с первого по одиннадцатый сезон. В начале седьмого сезона и ближе к завершению восьмого место бога занимают ангелы (Кастизель и Метатрон соответственно), но из логики сюжета ясно, что они лишь актёры, примеряющие на себя уникальную роль бога. Это хорошо иллюстрирует диалог персонифицированной Смерти и Кастизеля в первом эпизоде седьмого сезона, где Смерть называет его лишь «возгордившимся ангелом», что признаёт и сам Кастизель, когда обращается к людям в церкви со словами: «Я лучший бог, чем мой отец. Как заставить вас поверить?» (7–1).

Но ещё большую монотеистическую направленность придаёт сериалу появление языческих богов. Впервые один из них, скандинавский бог плодородия, встречается в десятой серии первого сезона, и братья легко справляются с ним, как и с другими сверхъестественными существами. В 16 серии того же сезона Дин называет зороастрийских богов зверями, поскольку они звероподобны, – в этом утверждении политеистические боги помещаются на ступень ниже человеческой. Ещё позднее, в восьмой серии третьего сезона, братья сражаются с парой языческих богов, которым раньше приносились жертвы в канун Нового года. В диалоге с братьями боги объясняют своё положение во вселенной следующим образом: «Все помешались на Иисусе, а наши алтари давай свергать, а нас гонять, как заурядную нечисть... [поэтому] мы ассимилировались» (3–8). Здесь очевидно противопоставление язычества и христианства с признанием доминирующей роли последнего. Но самым интересным примером такого рода является 19 серия пятого сезона «Молот богов», в которой в преддверии Апокалипсиса языческие боги Ганеша, Меркурий, Бальдур, Вотан, Кали и др. устраивают пир, куда в качестве гостей привлекают Винчестеров. Боги обсуждают, что они будут делать при наступлении «христианского Апокалипсиса», причём некоторые из них предлагают сражаться, а другие вступить в переговоры. Выступая за сражение, Ганеша жёстко отзывается о христианстве, замечая, что это «...не единственная религия, нас миллиарды, и мы были здесь первыми». Серия заканчивается появлением на пиру Люцифера, который без всякого труда уничтожает всех богов. Перед этим он роняет любопытную фразу: «Никогда не понимал язычников, вы хуже людей, хуже демонов, объявляете себя богами». Посыл серии не двусмыслен – даже падший архангел христианства стоит несопоставимо выше всех языческих богов, вместе взятых, а главная проблема этих богов в том, что они узурпируют место единого истинного бога.

Как уже отмечалось выше, нарратив первых одиннадцати сезонов можно описать как монотеистический. Конечно, он использует богатую палитру гетерортодоксальных учений: история падения Люцифера и его взаимоотношения с богом и ангелами совмещают богомильскую и исламскую мифологии; желание демонов заменить людей на земле отсылает к известному мифу о падении ангелов, зафиксированному в первой книге Еноха; Метатрон как один из высших ангелов и Азazel с Лилит как архидемоны заимствуются из каббалы; структура духовного мира во многом опирается на Данте, но в то же время чистилище населяют чудовища и т. п. Временами авторы разнообразят картину, вводя элементы из пантеистической мифологии в монотеистический контекст. Например, левиафаны, изначально понимаемые как особые чудовища или демоны, созданные богом, превращаются в неких прасуществ, сотворённых раньше ангелов и помещённых в чистилище. Здесь угадывается классический греческий сюжет о сброшенных в Тартар гекатонхейрах. Идея поколений богов проявляется в переосмыслении образа Люцифера, который становится творцом демонов, при этом сущностью являясь ангелом. Вместе с тем вся гетерортодоксальная палитра общую монотеистическую канву они не меняет.

Этот настрой с доминантой христианской средневековой мифологии демонстрирует, что, как ни странно, именно монотеистический миф наиболее жизнеспособен при построении долгосрочного нарратива. «Сверхъестественное» доказывает, что монотеистическая вселенная способна удерживать интерес современного зрителя очень долго, но любой сюжет исчерпаем. В течение одиннадцати сезонов

сериал использует все возможные приёмы для растягивания фабулы: флешбеки, флешфорварды, вымышленные миры, а в 15 серии шестого сезона даже впервые возникает идея мультиверса. К концу десятого сезона становится очевидным, что строго монотеистическая вселенная исчерпала себя, тогда создатели сериала идут на изменение мифологии. Отказ от монотеизма происходит в 11 сезоне, посвящённом борьбе братьев с Тьмой – сестрой бога, которая была заточена им в бездну в момент создания мира. Тьма предстаёт равной богу по всем параметрам и почти убивает его, угрожая уничтожением всему творению. Именно здесь монотеистические границы стираются, и их место занимает классический дуализм. Правда, в конце сезона его проблематика уходит на второй план, когда бог и Тьма примеряются и вместе удаляются из мира, оставляя Винчестерам старых врагов вроде Люцифера, демонов и ангелов.

Таким образом, 11 сезон представляет собой рубеж, отделяющий монотеистический универсум от политеистического. Братья сначала не верили, что бог вообще существует, позднее, встретив ангелов, у них зародилась мысль, что, может быть, есть и бог. Классической нравственной проблемой многих эпизодов была теодицея: как бог-вседержитель может допустить столько зла в мире. Если долгое время монотеистическая мифология эксплицитно не проявляла себя, то мир, созданный по её канонам, существовал в сериале изначально, и любой его зритель воспринимал отсылки к богу в строго монотеистическом ключе. Это – как достраивать паззл из воображаемых частей, примерно представляя общую картину. В 11 сезоне классическое представление о боге разрушается, когда оказывается, что в книге Бытия «кое-что утаили». После утверждения пары *бог-тьма* зритель понимает, что имеет дело с вымышленной космологией и теологией, переставая ассоциировать её с традиционным монотеизмом.

Так, из специфики построения «Сверхъестественного» следует, что монотеизм как мифологическая система несёт в себе значительный креативный потенциал и способен долго удерживать внимание аудитории, а при помощи колоритного образа зла поддерживать конфликт в повествовании. Тем не менее такое нарративное преимущество монотеистической мифологии имеет два ограничения: 1) она, как и любая мифология, исчерпаема; 2) монотеизм эстетически увлекает современного зрителя за счёт колоритности образов, но не вызывает в нём никакого этического или идеологического отклика. Последнее хорошо заметно в «Сверхъестественном», поскольку монотеистические представления об этике постоянно высмеиваются. Лучшей иллюстрацией тому служит история Дина Винчестера. Когда он узнаёт, что из-за сделки с демоном обязательно попадёт в ад, то решает пуститься во все тяжкие, чтобы хоть как-то скрасить будущее. Позднее, когда оказывается, что он избранный сосуд архангела Михаила, ангелы пытаются заставить его впустить Михаила в себя, в частности, предлагая джем, гамбургеры, девушку с её подругой, а в будущем обещая рай с сотней шлюх и двумя девственницами (4–22). В этих эпизодах идёт намеренное высмеивание христианских представлений о целомудрии. Ангелы, рассуждающие свободно о плотских отношениях, с одной стороны, усиливают ироничность ситуации, а с другой – выводят проблематику сериала за рамки традиционных представлений о христианской этике. С этической точки зрения в мире «Сверхъестественного» существует только эта жизнь, и она – лучшая. Ад, рай и чистилище – формы неудачного, нежеланного для человека бытия. Так, тот же Дин, на время попав в рай, называет его не нирваной, а Матрицей (5–16). Эта характеристика, кстати, вновь возвращает нас к проблеме истернизированного добра и вестернизированного зла.

Если сериал начал вводить монотеистическую проблематику через христианские образы зла, то вывел он её через появление истернизированного добра. Противостояние бога и Винчестеров в последних двух сезонах сериала отменило неотъемлемый атрибут бога – благость, предполагаемый монотеистическим контекстом. Бог здесь предстал как писатель-неудачник, мучающий людей из-за своих собственных прихотей. Когда в заключительных сериях Винчестеры побеждают бога с помощью нефелима Джека (сына Люцифера и земной женщины), воспитанного ими, то Джек становится новым и лучшим богом, до этого он вбирает в себя Тьму, став

настоящим *coincidentia oppositorum*. Вот как Джек говорит о себе и своей новой роли: «Я рядом. Я буду в каждой капле падающего дождя, в каждой пылинке, которую уносит ветер, и в песке, и в скалах, и в море. <...> Людям нужны ответы на вопросы, и эти ответы будут в каждом из них. Может быть, не сегодня, но... когда-нибудь. Людям не нужно молиться мне или приносить мне жертвы. Им просто нужно знать, что я уже часть их, и верить в это. Я узнал от тебя, моей матери и Кастизеля, что... когда люди хотят стать лучше... они могут стать такими. И вот в это и нужно верить» (15–19). Этот монолог – идеальное выражение классической ньюэйджровской максимы: Я=БОГ. Здесь идея личностного персонифицированного творца исчезает, на смену ей приходит представление о боге внутри человека, имплицитно присутствующем во всей вселенной. Центр новой теологии – сам человек, который лучше, чем внешний персонифицированный бог может разобраться в себе и своих проблемах. Кроме того, Джек создаёт новый рай, в котором люди живут так, как им хочется, этот рай есть простое продолжение земной жизни, т.е. лучшей формы существования, согласно этике сериала. Таким образом, уничтожение монотеистического нарратива в 11 сезоне привело сначала к дуалистическому космосу, в котором образы зла стали пластичными: фактически все сверхъестественные существа, кроме тех, кто подпал под наибольшее влияние людей, становятся потенциально злыми. Как следствие такой установки, злом становится и сам бог как главное сверхъестественное существо. Завершается нарратив пересозданием мира как абсолютного блага, но уже на пантеистической истернизированной основе, где онтологического разрыва между богом и человеком более не существует, а, следовательно, нет конфликта и сериал неизбежно должен завершиться.

Заключение

Подводя итоги нашему обзору, вернёмся вновь к основным тезисам К. Партриджа. Анализ «Сверхъестественного» показывает, что современный оккультурический метатекст не только конденсирует в себе все сюжеты оккультуры, он преобразует их. Современные зрители, в особенности, молодые, знакомятся с христианской демонологией и эзотерическими представлениями о мире через нарратив сериала, таким образом именно игра создателей сериала с этими темами определяет их восприятие современной аудиторией. Фактически экранная культура создаёт новые религиозные мифы, используя элементы классической мифологии. В то же время очевидно, что в основе такого конструирования лежат современные представления об этике и духовности. Партридж был прав, когда писал о значимости для оккультуры христианского зла, фактически весь сюжет «Сверхъестественного» строится на противостоянии этом злу, причём его эстетизация служит главным механизмом развития повествования. Но с момента выхода «Заколдовывания Запада» произошла глобализация эзотеризма, оккультурические темы стали не частью маргинализированных субкультур, а основой массовой культуры. То, с какой частотностью творцы современных книг, фильмов, игр и сериалов обращаются к ним, показывает их неотъемлемость для сознания современного человека. Кроме того, случай «Сверхъестественного» показывает, что классический монотеистический нарратив в его ортодоксальном и гетерортодоксальном изводах обладает притягательностью для современной аудитории. Проблема одержимости и практика экзорцизма становятся не только распространёнными формами современных религиозных практик, но обретают значительную роль в медиа, становясь уникальной метафорой, помогающей творить вымышленные вселенные и ставить сложные этические вопросы. Несмотря на утверждение о потере христианством своей привлекательности и истернизации духовной культуры, оказывается, что сюжет, в значительной степени укоренённый в христианской мифологии и опирающийся на строго монотеистический контекст, может удерживать внимание аудитории более десятилетия. Широкое распространение оккультуры, ставшей основой современной массовой культуры и сочетающейся в силу исторических особенностей своего генезиса с монотеизмом, делает классическую монотеистическую мифологию более гибкой, способной удовлетворить различные запросы аудитории. В то же время для современной культуры представляет интерес лишь мифология, этический и философский аспекты монотеизма воспри-

нимаются как то, от чего нужно избавляться, или то, что необходимо высмеять. Если следовать логике нарратива «Сверхъестественного», то можно констатировать, что для современного человека истернизированное благо, пронизывающее собой всё мироздание, представляет большую этическую ценность, чем монотеизм лишь потому, что ставит в центр мира человека, будучи единым с ним. Таким образом, современный человек ищет в околорелигиозном мифотворчестве удовлетворение своих эстетических потребностей и любопытства, но в то же время верит только в себя.

Библиографический список

1. Кушнарева, И. Как нас приучили к сериалам / И. Кушнарева // Логос. – 2013. – № 3 (93). – С. 9–21.
2. Носачев, П.Г. Игровая оккультура: Западный эзотеризм и при-ключенческие компьютерные игры / П.Г. Носачев // Религиоведение. – 2018. – Т. 2. – № 2. – С. 131–139.
3. Asprem, E. *The Problem of Disenchantment: Scientific Naturalism and Esoteric Discourse, 1900–1939* / E. Asprem. – Leiden: Brill, 2014. – 631 p.
4. Hanegraaff, W. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought* / W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 1996. – 580 p.
5. Partridge, C. *The Re-Enchantment of the West: Vol. 1: Alternative Spiritualities, Sacralization, Popular Culture, and Occulture* / C. Partridge. – London: T&T Clark, 2004. – 265 p.
6. Partridge, C. *The Re-Enchantment of the West: Vol. 2: Alternative Spiritualities, Sacralization, Popular Culture, and Occulture* / C. Partridge. – London: T&T Clark, 2005. – 468 p.
7. *Rituale Romanum*. – Rome: Typis Polyglottis Vaticanis, 1925.
8. *The Lure of the Dark Side: Satan & Western Demonology in Popular Culture* / Ed. C. Partridge. – London: Equinox, 2008. – 215 p.
9. *The Occult world*. / Ed. C. Partridge. – NY: Routledge, 2015. – 759 p.
10. Young, F. *A History of Anglican Exorcism: Deliverance and Demonology in Church Ritual* / F. Young. – London: I.B. Tauris, 2018. – 272 p.
11. Young, F. *A History of Exorcism in Catholic Christianity* / F. Young. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 275 p.

Текст поступил в редакцию 15.11.2020.

Принят к публикации 19.04.2021.

Опубликован 29.06.2021.

¹ См. например: [Носачев, 2018, 131–139; *The Lure of the Dark Side*, 2008; Asprem, 2014; *The Occult world*, 2015], а также 13 номер журнала *Aries* за 2013 год, полностью посвященный теории Парtridge.

² Подробнее об этом культурном феномене см.: [Кушнарева, 2013] и весь специальный номер журнала «Логос», в котором вышла эта статья.

³ См. например: [Asprem, 2014].

⁴ Подробнее об истории практики экзорцизма в католицизме см.: [Young, 2016].

⁵ Вариант заклинательной молитвы, разработанный Львом XIII, звучит следующим образом: «Exorcizamus te, omnis immundus spiritus, omnis satanica potestas, omnis incursio infernalis adversarii, omnis legio, omnis congregatio et secta diabolica, in nomine et virtute Domini Nostri Jesu Christi» [*Rituale Romanum*, 1925, 539]. В ранних (до Льва XIII) редакциях ритуала слова «omnis congregatio et secta diabolica» отсутствуют, а начало молитвы звучит так: «exorcizo te» – изгоняю тебя. Этот текст в своё время поставил экзорцизм в особое положение орудия космической битвы добра со злом.

References

1. Asprem E. *The Problem of Disenchantment: Scientific Naturalism and Esoteric Discourse, 1900–1939*. Leiden: Brill, 2014, 631 p.
2. Hanegraaff W. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought*. Leiden: Brill, 1996, 580 p.
3. Kushnareva I. *Logos* [Logos]. 2013, no. 3 (93), pp. 9–21.
4. Nosachev P.G. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2018, no. 2, pp. 131–139 (in Russian).
5. Partridge C. *The Re-Enchantment of the West: Vol. 1: Alternative Spiritualities, Sacralization, Popular Culture, and Occulture*. London: T&T Clark, 2004, 265 p.

6. Partridge C. *The Re-Enchantment of the West: Vol. 2: Alternative Spiritualities, Sacralization, Popular Culture, and Occulture*. London: T&T Clark, 2005, 468 p.
7. *Rituale Romanum*. Rome: Typis Polyglottis Vaticanis, 1925.
8. *The Lure of the Dark Side: Satan & Western Demonology in Popular Culture*. London: Equinox, 2008, 215 p.
9. *The Occult world*. NY: Routledge, 2015, 759 p.
10. Young F. *A History of Anglican Exorcism: Deliverance and Demonology in Church Ritual*. I.B. Tauris, 2018, 272 p.
11. Young F. *A History of Exorcism in Catholic Christianity*. London: Palgrave Macmillan, 2016, 275 p.

Submitted for publication: November 15, 2020.

Accepted for publication: April 19, 2021.

Published: June 29, 2021.